

Об ускользящей предметности судебной психиатрии

Ткаченко А.А.^{1,2} д.м.н., профессор, руководитель Отдела судебно-психиатрической экспертизы в уголовном процессе¹; профессор кафедры социальной и судебной психиатрии Института профессионального образования²

1 — ФГБУ «Федеральный исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России
119991, Москва, Кропоткинский пер., д. 23

2 — ГБОУ ВПО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России
Москва

Автор для корреспонденции: Ткаченко Андрей Анатольевич; e-mail: tkatchenko_gnc@mail.ru

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила: 18.07.2017.

Статья представляет собой отклик на публикацию С.Н.Шишкова «Доказуемость» и «проверяемость» судебно-психиатрических экспертных оценок [Психическое здоровье 2017; (6): 65-71]. Рассматривается характер соотношения правовой категории невменяемости с научными представлениями о психической саморегуляции. Обосновываются сомнения в возможности и целесообразности подготовки нормативного документа, фиксирующего единую методологическую базу оценки невменяемости.

Ключевые слова: судебно-психиатрическая экспертиза, психическое расстройство, невменяемость, юридический критерий, вина, саморегуляция, психология.

Настоящее возвращение к проблематике предмета судебной психиатрии обязано отклику на нашу статью [5] С.Н.Шишкова [7], которому мы крайне признательны за возможность уточнить высказанные ранее идеи.

К сожалению, С.Н.¹ заведомо сужает рамки дискуссии, ссылаясь на недоступность ему как юристу «глубокого научного анализа содержания» нашей работы. Выводы таким образом из своего рассмотрения основной предмет статьи, С.Н. приходит к выводу о необходимости создания некоего нормативно-инструктивного документа, «где помимо кратких законодательных критериев психических расстройств содержались бы куда более подробные и конкретизированные судебно-экспертные критерии. В «документе-конвенции» можно было бы отразить также общеметодологический принцип, положенный в основу экспертных оценок... Такой документ должен быть обязательным (в научно-методическом отношении) для всех экспертов нашей страны» [7, С.70].

Возникает опасение, что воплощение данной идеи рискует привести к зеркально обратному результату, когда судебно-психиатрические эксперты будут вынуждены воспроизводить ту же порочную практику бездоказательных суждений, в которой С.Н. их упрекает. А старая история об эксперте, который в судеб-

ном заседании не смог обосновать свое заключение о невменяемости, из яркой иллюстрации недостаточной компетентности специалиста превратится в регулярную практику, так как именно ответ, что «шизофрения практически всегда исключает вменяемость» может явиться типичным примером предлагаемого С.Н. «конвенционального» подхода.

Заметим, что мы разделяем основную цель, обозначенную С.Н. — призыв профессионалам вступить в диалог и «правильно друг друга понять». Схожая мысль была отмечена нами при отсылке к S.J. Morse: «Психиатр может использовать научный язык, чтобы понять механизм того или иного расстройства и общаться с коллегами, однако, в качестве эксперта он должен переводить этот язык в обыденные психологические понятия» [5, С. 4] — т.е. в понятия, доступные юристу. Однако как раз в поиске путей понимания у нас с С.Н. возникают методологические разночтения.

Конвенционализм юриспруденции и научная каузальность

Тезисы, приводимые С.Н. в заключение, по сути, призывают использовать конвенционализм, неизбежный в юриспруденции, в абсолютно чуждом ему поле научной мысли. Однако это возможно только при от-

¹ Здесь и далее за инициалами С.Н. — уважительное «Сергей Николаевич».

казе судебной психиатрии в статусе научного направления и низведении ее до положения исключительно прикладной дисциплины с очень неясными очертаниями ее собственно экспертной компетенции.

Не исключено, что в основе данного предложения лежат более общие представления С.Н. о природе и предназначении закона. Обратимся к книге С.Н., цитата из которой, как признается он сам, побудила его отклик.

Здесь он отмечает, что до тех пор, пока проблема свободы воли «остаётся для философии и частных наук открытой, окончательно не решённой проблемой, право имеет возможность выбрать тот вариант решения, который его устраивает» [8, С. 224]. И ещё: право «обособленно и суверенно: на его территории действуют свои законы и правила. Однако обособленность все же не беспредельна... <...> право вынуждено «подчиняться» господствующей в обществе идеологии и властным велениям, исходящим от правящей политической элиты» [8, С.87-88]. Мысль почти бесспорная, законодательные новации часто это подтверждают.

Но такая точка зрения допустима, если исходить из того, что юриспруденция не строится на строго научных канонах и должна регулировать общественные отношения, ещё более подвижные и преходящие, чем любые теоретические модели реальности. Право при подобной кажущейся гибкости, однако, оказывается довольно ригидно в отношении смен научных парадигм и в этом смысле уязвимо с точки зрения строгой научной верификации. Опять цитирую С.Н.: «Исторически подвижная и содержательно изменчивая система знаний о человеке, его психике и поведении традиционно нелегко осваивается правом, а сам процесс юридического освоения подобного рода знаний нередко противоречив и драматичен» [8, С. 89].

Эксперты же действуют с претензией на научность и вынуждены подчиняться совершенно другим законам. С.Н. пишет: «Из истории науки известно, что некоторые научные воззрения со временем безоговорочно признаются ошибочными. <...> И если концепция, признающая человека способным к осознанно-волевой регуляции поведения, когда-либо будет признана ложной и войдет в тот ряд идей, в котором нынче числятся теплород, флогистон и астрономическая система Птолемея, то фактическая обоснованность уголовно-правового принципа субъективного вменения будет подорвана. <...> Иными словами, не имея надежных свидетельств того, есть ли саморегуляция «на самом деле», уголовное право действует так, будто («как если бы») она была» [8, С. 224-225].

Отмеченная С.Н. изменчивость теоретических воззрений в свое время и привела к появлению постклассической рациональности, предполагающей

качественно иное отношение к предмету исследования. Обнаруживаемые в результатах исследований факты не обладают онтологическим статусом — это лишь понятийная форма, они вечно продолжают существовать в качестве гипотез. Гелиоцентрическая система в сути своей тоже гипотеза, только эмпирически многократно подтвержденная, ведь для доказательства подобного факта надо как минимум быть в состоянии посмотреть на Солнце вне Солнечной системы. Фальсифицируемость теории, то есть принципиальная возможность ее эмпирически проверить и отвергнуть — один из основных критериев собственно научного знания.

Поэтому ожидать, что по мере расшифровки патобиологических закономерностей психической патологии мы тем самым приближаемся ко все большей наглядности — как минимум заблуждение. Задачи познания здесь совсем иные, они связаны с раскрытием механизмов все большей глубины (нейрофизиологических, нейрохимических и, в конечном счете, генетических), позволяющих понять причины психических нарушений. Представляется, что движение к пониманию их патобиологической природы будет способствовать и лучшему осмыслению специфических механизмов дизрегуляции поведения, суть которых, однако, достижима и на сегодняшнем методологическом уровне. Например, множество данных свидетельствуют в пользу того, что смыслы больных шизофренией, далекие от смыслов общества, связаны с их неспособностью эффективно выполнять простейшие задачи, требующие учета социального. Поэтому ответ на вопрос «почему больной параноидной формой шизофренией без глубокого психического дефекта невменяем» [7, С. 68], который представляется С.Н. неразрешимым, на самом деле может быть сформулирован с должной степенью определенности и обоснованности.

Создается впечатление, что беседа с врачами С.Н. на деле адресуется к коллегам юристам и законодателям, постоянно подчеркивая несовершенство законов. И, по логике, должен бы призвать их быть более компетентными в области науки, но он предлагает иной (более легкий) выход из образовавшегося методологического тупика: «конвенциональный подход — опора на условные договоренности между специалистами» внутри психиатрического сообщества, но не консенсус между психиатрами и юристами. Возможно, создание подобных методических указаний и упростит работу судей по оценке надежности экспертного вывода, однако, вряд ли повысит степень его обоснованности. С точки зрения судебно-психиатрической науки такая задача технологически невыполнима — экспертная оценка может различаться даже при идентичном уровне поражения психики, поскольку абсолютно разными

могут быть механизмы противоправного поведения, разворачивающегося в различных ситуативных обстоятельствах. И не так уж редки поэтому случаи, когда субъективная сложность криминальных ситуаций, в которых оказался обвиняемый, столь различна, что экспертные решения будут различаться в зависимости от состава обвинения, и по разным эпизодам обвинения будут даны противоположные экспертные выводы.

Но дело даже в другом. Данная идея не оригинальна в историческом аспекте — именно с ней связана российская история юридического критерия невменяемости, который предлагался именно как научно обоснованная альтернатива перечню психических болезней. Последний отвергался В.Х.Кандинским как абсолютно бессмысленный: «Перечень отдельных частных причин невменяемости практически нисколько не поможет делу определения способности ко вменению в каждом конкретном случае, если в самом перечне причин не будет законом указана та степень, с которой действие каждой данной причины должно считаться обстоятельством, уничтожающим способность ко вменению» [2]. Степень эта указывается юридическим критерием невменяемости, оценка которого входит в совместную компетенцию психиатров и юристов, создавая основу их взаимопонимания. «Установка в законе общего определения понятия о невменяемости необходима для возможности взаимного понимания между врачами-психиатрами, с одной стороны, и юристами, в частности судьями, с другой. Без такого взаимного понимания правильное решение тех уголовных дел, где возбужден вопрос о присутствии или отсутствии в данном случае способности ко вменению, едва ли возможно» [2]. Между тем, С.Н. отвергает саму возможность подобного взаимопонимания, отказывая в способности верной научной трактовки критерия невменяемости как юристам, так и психиатрам.

С.Н. подводит итоги, цитируя сам себя и говоря, что «внешняя атрибутика, имитируя естественнонаучные процедуры обоснования и проверки, позволяет им [экспертным обоснованиям — А.Т.] солидно и убедительно выглядеть, но отнюдь не доказывать» (с. 69), но в обсуждаемой работе как раз предлагается не выглядеть и имитировать, а доказывать. С.Н. «непонятно, как такую задачу можно решить естественнонаучным путем» [7, С. 69], потому что он занимает принципиально иную методологическую позицию, не предполагающую верификации научных гипотез.

Конвенция допустима в судебных прениях, но не в экспертной работе врача-психиатра или психолога. За пределами юридического критерия, каждый раз прилагаемого к индивидуальному случаю, обоснованность экспертного вывода становится недостижимой, хотя закон прямо формулирует необходимость научной обоснованности экспертного суждения. Вот только несколько

из них. Ст. 4 Закона о ГСЭД: «государственная судебно-экспертная деятельность основывается на принципах... объективности, всесторонности и полноты исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники». С этой нормой переключается и другая — «эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме» (ст. 8 указанного Закона). Ст. 8 Закона о ГСЭД также гласит: «Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных». Осталось определиться — где находится та «научная основа», которая дает возможность «проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов». Попытка предложить пути такого обоснования как раз и была предпринята в обсуждаемой работе.

С.Н. справедливо отмечает: «Психическое состояние «не дано нам в ощущениях». А «психику приходится исследовать через ее проявления — мимику, речь, поступки, манеру держаться и подобные им поведенческие феномены». «Отсутствие «явленности в ощущениях» предмета исследования лишает результаты немаловажного для восприятия качества — визуальной наглядности». «Психиатр имеет дело с «невидимками» [7, С.66]. Конечно, это так. Психиатрия, как и положено в науке, строит теоретическое представление о каких-то внутренних структурах и процессах, предлагает модели (психического расстройства), которые позволяют описать свойства объекта исследования. И задача психиатрии — проверять эти концепции, находить объективные подтверждения или опровержения существующих теорий, объяснения наблюдаемым свойствам в реально наблюдаемых, визуализируемых явлениях.

Но С.Н. задается вопросом: «Реализуемо ли нечто подобное практически <...> Может выясниться, что однозначно адекватного соотношения между психикой и ее материально-биологическим базисом просто не существует. Или оно существует, но сверхсложность итоговой картины исключает наглядность ее восприятия». «Поставленная задача невероятно сложна, но заранее объявлять ее неразрешимой не стоит» [7, С.67]. Вынуждены отметить, что сверхсложность человека, если когда-нибудь будет объяснена наукой, сильно затрудняет возможность наглядного и очевидного представления этих результатов. Это как сейчас попытаться без подготовки понять логику расчета космических расстояний на основании спектральных кодов элементов в составе той или иной звезды... Для такого понимания надо уметь объяснять, а второй стороне — хотеть слушать.

В поисках мерила

Вместе с тем в исходной статье не высказывается претензии, что критерий невменяемости может служить «измерительным прибором» непосредственно. Речь шла лишь о переводе житейски сформулированного закона на язык медицинской науки, а потом обратно, то есть мы признавали определенную между ними дистанцию, которая нам, однако, не казалась непреодолимой.

Нам не хочется разделять столь скептический взгляд на закон как всего лишь на свод правил, дистанцированный от научного дискурса.

Так, С.Н. говорит об отсутствии в законе меры требовательности «к психике человека (с точки зрения возможности возложения на него уголовной ответственности)» [7, С.68]. Между тем, в свое время несомненным шагом вперед было основанное на современных ему научных воззрениях предложение известного русского правоведа Н.С.Таганцева дать формулу невменяемости, исходя из категории уголовной виновности и ее элементов. Вина в уголовном праве есть именно отношение как сознательная установка, т.е. человек способен осознать вину, свое психическое отношение к совершаемому общественно опасному деянию и его последствиям, выражаемое в уголовном праве в форме умысла или неосторожности.

Близость этих понятий с вменяемостью позволяет некоторым юристам рассматривать в качестве признака невменяемости невинность в содеянном из-за отсутствия умысла или неосторожности в действиях психически больного [4]. Категорией умысла задан оптимальный объем законодательных требований к вменяемому лицу, определяющих его способность нести ответственность (уровень «свободы воли» преступника). Например, ч.2.ст. 25 («Преступление, совершенное умышленно») гласит: «Преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления».

Нетрудно увидеть, что придерживаясь подобных взглядов на понятие вины, законодатель опирается, прежде всего, на представления о внутренней организации поведения, разделяемые современной психологией. Таким образом, даже за пределами категории невменяемости, рождающей психиатрическую экспертную компетенцию там, где виновное поведение исключается в силу психического дефекта, право использует пласт научных познаний, тем более пригодный для формирования той же методологии оценки юридического критерия.

Юридический критерий невменяемости в результате был внедрен в российское законодательство его сторонниками в юридическом сообществе и вопреки

мнению психиатрического большинства. Так что юристам стало посылно то, что оказалось не по силам психиатрам. Это опровергает тезис С.Н. о неспособности законодателя формулировать нормы права в соответствии с современными ему научными взглядами: «Формулировать критерии невменяемости в законе призван субъект, которого обобщенно именуют «законодателем», но которому такая задача явно не по плечу» [7, с. 68]. Это, оказывается, смотря какой законодатель.

Несмотря на оправданный консерватизм законодателя, мы видим продолжающееся периодическое обновление законодательных формулировок, отвечающих не только вновь возникающим общественным интересам, но и реагирующим на развитие научного осмысления регулируемых явлений. Если иметь в виду юридический критерий невменяемости, то замена изначальной формулы прогрессивной для своего времени формулы невменяемости (ст.39 русского Уголовного уложения 1903 г.) «понимать свойство и значение совершенного или руководить своими поступками» на «отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими» (УК РСФСР 1960 г.) и затем — на «осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими» (УК РФ 1997 г.), думается, из этого ряда. И разве отказ от оценочной теории вины с переходом к психологическому ее пониманию — не из того же числа?

Ранее С.Н. было высказано мнение, что «теоретические модели реальности исторически изменчивы и преходящи, поэтому рассчитывать на некое «окончательное» решение проблемы свободы воли (по меньшей мере, в обозримом будущем), видимо, не приходится. И не только на «окончательное», но даже на общеметодологически «единственно верное» [8, с. 225].

Тем не менее, предлагается создание инструктивного документа, фиксирующего общую методологическую базу оценки невменяемости. В качестве такой гипотетической методологической основы С.Н. даже указывает на «психотический уровень» психического расстройства. Но он такой точкой опоры служить не может, поскольку категория «психотическое» хотя и очерчивает круг психической патологии, с высочайшей степенью вероятности исключающей произвольность поведения, далеко не исчерпывает психопатологические состояния, по отношению к которым решение об экскульпации было бы столь же обоснованно.

В своей работе мы обосновывали иное методологическое основание, исходя из того, что юридический критерий невменяемости, будучи производным психологической теории правовой категории вины, по сути своей является также психологическим. Собственно, об этом говорилось неоднократно и, прежде всего, В.Х.Кандинским: «Для понятия «невменяемость»

возможно лишь психологическое определение, но не психиатрическое. Психиатрия может только указывать на причины неспособности ко вменению»; «Психиатрического критерия неспособности ко вменению дать нельзя; здесь возможно лишь психологическое определение. Нельзя определить психиатрию в терминах, взятых из той же психиатрии» [2].

В настоящее время для содержательного наполнения юридических критериев используется теория саморегуляции, утвердившаяся в качестве основы экспертного анализа и отраженная в целом ряде работ, прежде всего, судебных психологов, ссылки на некоторые из них нами приводились. Эта теория подразумевает выделение смыслового и целевого уровней регуляции юридически значимой деятельности, а также их неравномерное нарушение вследствие различных психопатологических расстройств. Высший мотивационный (смысловой) уровень саморегуляции связан с содержанием деятельности и организацией общей ее направленности; операционально-технический отражает формальную организацию действия и включает звенья планирования, моделирования, программирования, оценивания результатов своих действий и их коррекцию (этапы целеполагания и целедостижения).

Подобное понимание сути юридического критерия позволило нам высказать надежду, что возможна расшифровка смысла каждого из его компонентов не как отражающего обыденные представления об ответственности, но как научно обоснованные элементы единой системы саморегуляции поведения. Эти психологические категории могут и, на наш взгляд, должны быть сопоставлены с соответствующими нейрофизиологическими механизмами. Между тем, мы считали бы опрометчивым и преждевременным настаивать на оформлении данных представлений в виде некоего регламентирующего документа в силу вполне очевидных причин.

Попытки выработать некие общие правила экспертной оценки известны. Например, 19 мая 2013 года Советом Американской академии психиатрии и права (AAPL) было принято «Практическое руководство по судебно-психиатрической оценке обвиняемых в связи с защитой со ссылкой на невменяемость» [9]. Однако этот документ призван скорее сориентировать эксперта в законодательной разногласии, поскольку в разных штатах США используются разные формулы невменяемости с различными формулировками и понятиями («понимал» или «оценивал», например). Это в значительной степени своего рода путеводитель по разным юрисдикциям, где предстоит выступить эксперту и где применяются те или иные

трактовок невменяемости, которые он должен учитывать при обосновании своего суждения («Поскольку правовые критерии невменяемости различаются между юрисдикциями, физическое лицо может теоретически быть невменяемым в одном штате и вменяемым — в другом» [9, С.32]). Признается, что «Судебные психиатры по-разному подходят к определению отношений между клиническими диагнозами и стандартом невменяемости» [9, С.29], т.е. методология оценки у психиатра единая, а вот доказывание происходит в разных терминологических формах. При этом никто эксперту не навязывает некий «методологический стандарт», поскольку это остается его профессиональной компетенцией. Собственно, в преамбуле об этом говорится довольно прямо: «Это практическое руководство не следует толковать как диктующее стандарт для такого типа оценки. Скорее, оно предназначено для информирования о практике в этой области. В этом руководстве не представлены все допустимые и распространенные способы проведения судебно-психиатрической оценки, а следование ему не приводит к гарантированному результату. Различия в обстоятельствах дела, клинических факторах, соответствующих уставах, административном и прецедентном праве и суждение психиатра определяют, как проводить судебно-психиатрическую оценку в каждом конкретном случае» [9, С. 3].

Представители зарубежной судебной психиатрии также осознают, что объяснение механизмов противоправного поведения психически больных, точно также как оценка риска их опасности и выбор эффективных мер предупреждения рецидивных общественно опасных деяний невозможны без проведения интегративных междисциплинарных исследований, в центре которых — проблема психической саморегуляции.

Как пишет Т.Ward [10], преступное поведение является частным случаем общей способности человека к организации своей деятельности, поэтому «объяснительные теории криминального поведения и воздержания от него должны соответствовать научным теориям человеческого функционирования и деятельности в целом» [10, С. 25]. Другими словами, это должна быть многоуровневая теория, интегрирующая объяснения от биологического до социального уровней функционирования, включающая в себя эмоциональные, когнитивные, биологические и контекстуальные (социальные, ситуационные) факторы, в конечном итоге обеспечивающие способность индивида к саморегуляции. Предлагаемая им теоретическая модель субъектного² прогнозирования (Predictive Agency Model, PAM) исходит из идеи о том, что возникно-

² *Агентивность, агентность, субъектность* (англ. *agency*; устоявшегося перевода на русский язык нет) — способность человека выступать в качестве самостоятельного агента/субъекта и делать осознанный и свободный выбор.

вание психики связано с необходимостью эффективного использования внешних и внутренних сигналов для прогнозирования будущего — предсказания событий, намерений окружающих и, тем самым, для повышения шансов на выживание. Эта способность к прогнозированию проявляется во всех психических процессах, включая восприятие, память, мышление, эмоциональную сферу, смыслообразующая функция которой отдельно подчеркивается автором. Все эти процессы в конечном итоге обеспечивают субъектность, выбор конкретного способа действия индивидом с точки зрения именно его уникального опыта взаимодействия со средой. Люди обучаются в динамике, на протяжении всей жизни, и их способность к адаптации (в том числе дезадаптивное преступное поведение) зависит от их способности создавать каузальные модели — построение такого прогноза, его тестирование реальностью и позволяет им оценивать себя и результаты своих действий. Важная теоретическая посылка заключается в многоуровневом, системном представлении о природе человека. И уровни молекулярной и неврологической систем рассматриваются наравне с социальными и психологическими: «вместе они образуют объяснительную мозаику, являясь необходимой составляющей любой убедительной теории человеческого поведения» [10, с. 24], — причем на каждом более высоком уровне появляются новые свойства, напрямую несводимые к составляющим их механизмам. Такие теоретические положения увязываются с современным научным пониманием психологических структур и процессов и их отношений с социальными действиями, что позволяет рассматривать их применительно к динамическим факторам риска и защитным факторам в области уголовного правосудия.

Эти идеи удивительным образом сродни тем мыслям, которым, собственно, и была посвящена наша статья. Такое созвучие, по-видимому, неслучайно, поскольку оба эти дискурса имеют примерно одни источники, прежде всего связанные с фундаментальными представлениями об опережающем отражении как основе человеческой психики.

В этом смысле важное значение приобретает сформулированный в теории функциональных систем принцип изоморфизма [1], в соответствии с которым структура функциональной системы одного уровня изоморфна структуре системы другого уровня (высшего или низшего). Иными словами, каждый высокоорганизованный поведенческий акт в своей основе может быть понят через задействованные при его реализации системные нейронные механизмы. Независимо от уровня системообразующим фактором всех

саморегулирующихся систем является результат (будущее событие). Системы всех уровней выделяются по одному и тому же критерию — результату — и имеют одну и ту же функциональную архитектуру, представленную специальными системными механизмами. Поведение реализуется как иерархия систем, уровни которой соответствуют последовательным этапам становления поведения.

Психические процессы, характеризующие организм и поведенческий акт как целое, и нейрофизиологические процессы, протекающие на уровне отдельных элементов, сопоставимы только через информационные системные процессы, т.е. процессы организации элементарных механизмов в функциональную систему. При этом психологическое и физиологическое описание поведения и деятельности оказываются частными описаниями системных процессов, организующих поведение человека.

Важным является и тот факт, что в патогенезе психопатологических феноменов участвуют те психофизиологические звенья, которые задействованы в механизмах саморегуляции. В этой связи особым фокусом внимания могут стать диспозиционные предпосылки регулятивного статуса личности с раскрытием нейрофизиологических коррелятов психических процессов, участвующих в формировании осмысленного отношения к отражаемому. Это подразумевает поиск единых оснований для сближения различных дисциплинарных направлений в ходе исследования общего предмета, составного по своей одновременно и естественнонаучной, и гуманитарной природе.

В свое время мы приводили замечание М.М.Мальцевой и В.П.Котова [3] о том, что для получения полного представления об особенностях организации (или дезорганизации) деятельности психического больного недостаточно констатировать ее мотив (связь с психопатологическим состоянием), необходимо также указать именно то звено, поломка которого не только приводит к совершению общественно опасного деяния, но и делает больного неспособным ко вменению. Это позволило нам утверждать, что проблематика потенциальной опасности сближается с оценкой вменяемости с той лишь разницей, что последняя осуществляется ретроспективно в отношении конкретного деяния, тогда как первая — в отношении деяния прогнозируемого [6]. Таким образом, проблематика произвольности поведения и взаимосвязанных с нею вопросов мотивации и принятия решения, смыслов и значений как составляющих сознания и др. аспектов организации деятельности в целом сводит воедино интересы различных ветвей судебной

психиатрии, формируя общую их предметность — юридически релевантные психические расстройства.

Сходство исследовательских парадигм в разных странах позволяет надеяться, что независимо от национальных научных традиций эволюционное развитие научного познания с неизбежностью будет сближать представления об изучаемом объекте, все более сглаживая прежние различия и формируя единые методологические основы дальнейшего продвижения по пути раскрытия механизмов произвольного поведения и его нарушений. В этом, кстати, сказывается интернациональный характер научной мысли, которая, несмотря на уникальность движения на пути к истине, приводит, в конце концов, к единообразному освоению предмета своего интереса. Заметим — в отличие от законодательных установлений, которые в гораздо большей степени несут на себе самобытный отпечаток той или иной культуры. Поэтому само по себе толкование смысла разных национальных законодательных нормативов учеными может оказаться ближе друг другу, носить более всеобщий характер, нежели сами по себе трактуемые правовые формулировки.

Тем не менее, именно понимание принципиальной возможности соотнесения правовых и научных взглядов на человеческое поведение позволило нам утверждать, что юридические критерии правовых категорий, затрагивающих субъективную сторону юридически значимых событий, могут рассматриваться как обобщенное выражение существующих представлений о произвольной саморегуляции применительно к конкретной юридически значимой деятельности.

Следует признать справедливым замечание С.Н. о трудностях использования модели «осевой диагностики» (предлагаемой С.Н. и им же самим отвергаемой) для оценки юридического критерия вменяемости из-за невозможности точно определить момент перехода от одного состояния к другому (от вменяемости к ограниченной, а затем к невменяемости и наоборот). «На мой взгляд, до тех пор, пока вариативность толкования юридического критерия не устранена и не введен единый общеобязательный канон его толкования, задача обоснования экспертом глубины (степени) психического расстройства по меркам этого критерия методологически неразрешима» [7, С. 66]. Однако, как представляется, это методологическая проблема человеческого познания как такового, ярко представленная в апориях древнегреческих философов Зенона, Евбулида (знаменитый логический парадокс кучи) и пересекающаяся с принципом неопределенности в современных естественнонаучных представлениях. И наша работа как ученых состоит в сведении погрешности такой оценки (такого соотнесения

со строго сформулированными критериями, не имеющими конкретного выражения в объективной реальности) к возможному минимуму.

А что касается нового, в добавление к уже имеющимся, нормативного документа, то на этот счет однажды высказался все тот же В.Х.Кандинский: «странно было бы смешивать обсуждение формулировки статьи закона, определяющей условия невменяемости, с формулировкой медицинской инструкции медицинского начальства врачам-подчиненным; такая инструкция имеет целью подсказать не довольно опытным врачам, как им держать себя на практике по отношению к основному закону уголовного уложения, к закону об условиях невменяемости <...> — как держать себя в том случае, когда их приглашают говорить в заседании уголовного отделения окружного суда или судебной палаты. Сущность такой инструкции может быть выражена в немногих словах — не мешаться не в свое дело» [2].

Список литературы

1. Александров Ю.И., Дружинин В.Н. Теория функциональных систем в психологии. *Психологический журнал* 1998; 19(6): 5-19.
2. Кандинский В.Х. К вопросу о невменяемости. М., 1890.
3. Мальцева М. М., Котов В. П. Опасные действия психически больных. М., 1995.
4. Протченко Б. А. К понятию невменяемости. *Советская юстиция* 1987; (17): 21-22.
5. Ткаченко А.А. Предмет судебно-психиатрической экспертизы и трансляционная медицина. *Психическое здоровье* 2016; (11): 3-14.
6. Ткаченко А.А., Корзун Д.Н. Судебно-психиатрическая экспертиза. М., 2016.
7. Шишков С.Н. «Доказуемость» и «проверяемость» судебно-психиатрических экспертных оценок. *Психическое здоровье* 2017; (6): 65-71.
8. Шишков С.Н. Невменяемость (мировоззренческие, эмпирические, социальные предпосылки и становление в качестве правовой категории). М., 2010. 380 с.
9. Giorgi-Guarneri D., Janofsky J., Keram E. et al. American Academy of Psychiatry and the Law. AAPL practice guideline for forensic evaluation of defendants raising the insanity defense. *J Am Acad Psychiatry Law* 2002; 30(2 Suppl): S3-S40. PMID: 12099305
10. Ward T. Prediction and agency: The role of protective factors in correctional rehabilitation and desistance. *Aggression and Violent Behavior* 2017; 32: 19-28. doi: 10.1016/j.avb.2016.11.012

References

1. Alexandrov Yu.I., Druzhinin V.N. Theory of functional systems in psychology. *Psychological journal* 1998; 19(6): 5-19. (In Russ.).
2. Kandinsky V.Kh. To the question of insanity. Moscow, 1890. (In Russ.).
3. Maltseva M.M., Kotov V.P. Dangerous actions of mentally ill people. Moscow, 1995. (In Russ.).
4. Protchenko B.A. To the question of insanity. *Soviet Justice* 1987; (17): 21-22. (In Russ.).

5. Tkachenko A.A. Subject of forensic psychiatric examination and translational medicine. *Mental Health* 2016; (11): 3-14. (In Russ.).

6. Tkachenko A.A., Korzun D.N. Forensic psychiatric examination. Moscow, 2016. (In Russ.).

7. Shishkov S.N. «Proofability» and «verifiability» of forensic psychiatric assessments. *Mental Health* 2017; (6): 65-71. (In Russ.).

8. Shishkov S.N. Insanity (ideological, empirical, social background and emergence as a legal category). Moscow, 2010. 380 p. (In Russ.).

9. Giorgi-Guarnieri D., Janofsky J., Keram E. et al. American Academy of Psychiatry and the Law. AAPL practice guideline for forensic evaluation of defendants raising the insanity defense. *J Am Acad Psychiatry Law* 2002; 30(2 Suppl): S3-S40. PMID: 12099305

10. Ward T. Prediction and agency: The role of protective factors in correctional rehabilitation and desistance. *Aggression and Violent Behavior* 2017; 32: 19-28. doi: 10.1016/j.avb.2016.11.012

ON THE ELUSIVE SUBJECT MATTER OF FORENSIC PSYCHIATRY

Tkachenko A.A.

Federal Medical Research Centre of Psychiatry and Addiction named after V.P. Serbsky
Moscow, Russia

For correspondence: *Tkachenko Andrey*, e-mail: tkatchenko_gnc@mail.ru

Conflict of interest. The author declare no conflict of interest.

Funding. The study had no sponsorship.

Received: 22.05.2017.

This article — is a response to the publication of S.N. Shishkov «Provability» and «verifiable» of forensic psychiatric evaluations» [*Mental Health*. 2017; (6): 65-71]. Nature of interrelation between insanity legal category and scientific concept of mental self-regulation is considered. The grounds for doubts about possibility and practicability of preparing of statutory document which fixed a unified methodological basis for insanity evaluation are given.

Keywords: forensic psychiatric examination, mental disorder, insanity, the legal criterion, blame, self-regulation, psychology